

Взгляд из

Проблемы реформирования Духовной школы продолжают обсуждаться: на вопросы журнала "Встреча" отвечает епископ Тихвинский Константин, ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии

— Ваше Преосвященство, Вы принимали непосредственное участие в разработке предстоящей реформы. Не могли бы Вы рассказать, чем обусловлена необходимость проведения реформы духовного образования?

— Реформа образования обусловлена многими факторами. На мой взгляд, существующая система обучения — четыре года Академии и четыре года семинарии — безнадежно устарела. Она устарела так же, как устарело многое в нашей стране. Эта система чрезвычайно громоздка и невероятно дорогостояща. Церковь отделена от государства, но не от общества, и поэтому многие болезни нашего общества, особенно такие, как малоэффективность, высокая себестоимость, нерентабельность, поражают и ее. У меня есть высшее светское образование*, и я считаю, что светская школа более рентабельна, более эффективна. Крайне нерационально учить в семинарии четыре года, когда затем примерно треть материала дублируется в Академии. Во всем мире семинарии изначально являются высшими учебными заведениями с пятилетним сроком обучения, потому что считается, что человеку нормальному, со средними умственными способностями, можно дать высшее образование за пять лет. Неужели семинаристы глупее, чем студенты, поступающие в университеты и институты?

Свои задумки я апробировал в Минской Духовной Семинарии. Меня туда направили в 1990 году, вскоре после ее открытия. С одной стороны, было очень тяжело, так как многое приходилось начинать почти с нуля, а с другой стороны — легко, потому что мне не противостояла система, которую уже надо было переделывать. Я бывал за границей, изучал опыт преподавания, особенно в Германии. Немецкая система образования поражает своей великолепной

* Епископ Константин до поступления в Духовную семинарию окончил медицинский вуз, где впоследствии являлся старшим преподавателем. Имеет ученую степень кандидата медицинских наук. — *Прим. Ред.*

методикой. Кое-что я заимствовал из нее, помог также и светский опыт преподавания. Этот наш эксперимент получился. Минская Духовная Семинария получила статус высшего учебного заведения, признанного Синодом, утвержденного Патриархом и признанного государством, что тоже важно.

— Значит, вам была выдана государственная лицензия?

— Наши дипломы в Белоруссии были признаны государством. Мы выдавали дипломы бакалавра. Но я был новатором не самой идеи, а ее осуществления, потому что эта идея уже была подана на Поместном Соборе и особенно на Архиерейских соборах. Мое мнение такое, что семинария изначально по хорошо разработанным программам дает пять лет обучения, а затем три года Академии направлены в основном уже на научную работу.

— То есть, как аспирантура в светском учебном заведении?

— Да, то есть она должна соответствовать аспирантуре. Но лично я не был сторонником того, чтобы в Академии делать пять лет обучения, то есть сначала три года, а потом еще два. Потому что есть такой аспект, как здоровье, и то, что человеку надо есть, даже если будет бесплатное четырехразовое питание, общежитие и т.д. Нигде в мире нет восьмилетнего образования. Единственное, где это имеет место, — иезуитские колледжи. За восемь лет обучения у человека может возникнуть профессиональный цинизм, например, привыкание к святине. К тому же учиться в семинарии пять лет, затем писать дипломную работу, потом, проучившись в Академии три года, писать вторую работу, а по прошествии еще двух лет — третью, на это просто здоровья не хватит, я вам заявляю это как кандидат медицинских наук.

— На что будет опираться грядущая реформа: на опыт дореволюционных Духовных школ, современных светских учебных заведений или же западных богословских школ?

Петербург

— С учетом всего, но главное — это наши дореволюционные школы. Это главная составная часть. Опыт зарубежных религиозных учебных заведений, как и светских, практически не учитывается. Главные составные компоненты: дореволюционная школа, реально существующая сегодня богословская школа и светские учебные заведения.

К тому же у нас разошлись мнения по поводу учебных степеней. Я считаю, что должны быть две степени: кандидат и доктор, без устаревшего магистра. А у нас сейчас получится так: бакалавр, кандидат, магистр, доктор. Во всем мире магистр ниже кандидата, а у нас получается наоборот. То есть нужно как-то все это унифицировать, так как в прошлом вся наша

академическая система так или иначе со своими степенями соотносилась со светской системой образования.

— Какие стороны духовного образования, на Ваш взгляд, сегодня особенно нуждаются в реформировании?

— Наша школа сочетает в себе худшие стороны протестантского образования с худшими сторонами католического образования. Хочу рассказать, для примера, о системах образования в этих двух школах.

В протестантской школе образование платное. В основном платят за учащегося приходы или же частные лица. В школе предоставляется полная свобода действий для учащегося: ему платят стипендию — в Германии, например, восемьсот марок в месяц — и он сам может распределить эти деньги по своему усмотрению. Студенту предоставляется отдельная комната размером два на три метра с умывальником и небольшим коридором, за которую он должен платить примерно триста марок в месяц. Везде приходится платить: пришел в библиотеку сделать ксерокопию — плати, в столовой тоже платное питание. То есть вас приучают к самостоятельности — как хочешь, так и распределяй свой бюджет. В школе отсутствует инспектор. Вам дают два ключа: от общежития и от комнаты. Ваше дело, приходите ночевать или не приходите, но все это становится очень быстро заметно даже без специального помощника инспектора. Становится это известно ректору, который вас вызывает и говорит: “Молодой человек, вы пошли в нашу школу не по призванию, нам очень жаль, что вы всю свою жизнь будете заниматься нелюбимым делом, у вас обнаружили склонности к ночным профессиям, может быть, вы станете хорошим барменом. Пожалуйста, зайдите в канцелярию и заберите свои документы — вы уже отчислены”. Деньги, которые вы заплатили до конца года, остаются в семинарии. Экзамены платные, обучение там в основном бесплатное, а за экзамены надо платить — естественно, не экзаменатору, а в семинарскую кассу. На экзамен вы приходите с квитанцией. Экзамены очень тяжелые, на лекции хотите ходите, хотите — нет, но экзамены там просто мучение. Сам экзамен длится примерно минут сорок — час. Экзаменатор с вами просто не будет разговаривать, если вы не выложите перед ним гору общих тетрадей с конспектами. Вообще, преподаватель читает пять-шесть общих

лекций и дает список рекомендуемой литературы, а далее начинается самостоятельная работа студента. Надо сказать, студенты очень много работают самостоятельно, когда ни зайдешь в библиотеку — зал набит до отказа. Причем если не сдал экзамен, то идешь снова в кассу семинарии и платишь вторично за экзамен, и так, пока не сдашь. Протестантская система предполагает инициативу, колоссальный самостоятельный труд и умение самостоятельно распоряжаться своими деньгами, временем, выбором своих знакомств. Там незаметно, но очень строго смотрят на то, с кем вы дружите, и кто ваши знакомые, и кого вы приглашаете к себе в гости. Вот так, вкратце, обстоит дело с образованием в лютеранской школе, но это еще не все. Срок обучения пять лет. После этого два года идет так называемый викариат, там викарий — заместитель священника. Этому викария прикрепляют на два года к какому-нибудь заслуженному, маститому пастору, пользующемуся большим авторитетом, и он у него два года в стажировке, но при этом система образования о викарии не забывает и каждый месяц этот человек приезжает в семинарию и отчитывается. Например, у него было задание: посетить женщину, умирающую от рака, и провести с ней пастырскую беседу. Этот викарий провел пастырскую беседу, а через месяц он и подобные ему викарии съезжаются на семинар в семинарию. И там идет разбор: «А почему вы задали такой-то вопрос, охарактеризуйте, пожалуйста. Вот женщина семидесяти двух лет, рак печени, метастазы в мозг. Почему вы задали ей такой вопрос, у нее же метастазы в мозг, она не сможет ответить на такой вопрос, вопрос слишком тяжело задан». И разбирается каждый из этих случаев, разбирается всеми в присутствии профессоров. И вот так еще два года.

— То есть сначала теория, а потом — практика?

— Да. Этот викариат длится два года, и только потом уже начинается самостоятельная деятельность.

Католическая семинария — противоположность. Подъем в основном в 6.30, в 7 часов утра все на ежедневной мессе (присутствие обязательно), потом — испытание совести. В малочисленных семинариях — ежедневная исповедь, в многочисленных — два раза в неделю. Например, в католической семинарии Санкт-Петербурга 6-7 духовников на 40 студентов. Далее завтрак и в 9 часов — занятия. С 9 часов, когда начинаются занятия, семинаристам разрешается разговаривать друг с другом, до этого времени разговаривать друг с другом им запрещается. Занятия продолжаются до обеда, после обеда — физическая работа или же занятия спортом, с 5 часов начинается вечерняя самоподготовка и запрет на разговор до следующего дня. Также

выделяется час для размышлений на заданную тему. В самых либеральных семинариях в город выпускают раз в неделю на два часа, в обычных семинариях — один раз в две недели. Если человек просится чаще, придумывая различные предлоги, то он попадает в список неблагонадежных. Слежка за студентами страшная.

В этих семинариях существует целая система посвящений. У нас посвящают во чтеца, потом в иподiakона, в diakона. Посвящений у них гораздо больше, человек постепенно приучается к целибатству и к безусловному подчинению своему священноначалию. Там очень развит фанатизм каноники, дисциплины. Человек, окончивший за пять лет католическую семинарию, становится офицером армии Ватикана, абсолютно преданным папе, своей Церкви и безоговорочно выполняющим все послушания. У них очень сильно духовничество, и властью духовника они держат свое духовенство. Для епархиального священства исповедь проводится у них раз в месяц, а у нас — два раза в году.

А теперь сравните то, что мы имеем в наших школах, и вы убедитесь, что имеем мы, к сожалению, сочетание худших сторон этих школ. Протестантская школа готовит человека инициативного, но за его счет, католическая — бесплатно, но воспитывает офицеров армии Ватикана, а у нас — страшная дороговизна образования и крайне малая эффективность и низкая рентабельность. Каноническое сознание отсутствует почти полностью, это видно из того, как легко уходят в расколы.

Поэтому я считаю, что надо пересматривать не только учебные программы, но и быт, и распорядок дня.

— Владыка, скажите, пожалуйста, на какой научный потенциал Вы рассчитываете при проведении реформы: на преподавательские силы, которые уже имеются, или надежды возлагаются на новое поколение? За счет кого будет осуществляться новая реформа?

— Реформа — процесс длительный, и поэтому надо опираться на то, что есть.

— Наверное, будут вноситься изменения во внутренний процесс образования: время на изучение одних дисциплин сократится, на изучение других — увеличится?

— Дискуссия по этому поводу была колоссальная. Предпочтение было отдано изучению языков — и древних, и новых. Но сам я не согласен с этим мнением. Я считаю, что акцент надо было сделать на патрологию, канонику и догматику.

— А как Вы думаете, необходима ли специализация в Академии?

— Считаю, что да. В семинарии должно даваться общее образование для всех, а в Академии уже специализация. Созданы такие специальности: библейская, церковно-практическая, церковно-историческая и богословская.

Все наши лучшие преобразования могут пойти насмарку, если они не получат общецерковной поддержки, если предпочтение архиереи будут отдавать людям без образования, если в Церкви не будет цениться образование. Тогда просто никто не пойдет в Академию.

— Позвольте задать Вам вопрос как ректору Санкт-Петербургской Академии. В настоящее время имеет место некоторая отчужденность между Московскими и Санкт-Петербургскими Духовными школами. Намерены ли Вы как-то изменить эту ситуацию, то есть наладить обмен между преподавателями и студентами?

— Да, отчужденность сложилась, и она заметна. Мы с владыкой Евгением прилагаем все усилия для того, чтобы школы сошлись, не теряя при этом своего лица. Мы обмениваемся диссертациями, чего раньше не было, ездим на заседания Учебного комитета в Москву, принимаем очень активное участие во всех мероприятиях. Это крайне необходимо, так как в России осталось всего две Академии.

— Владыка, хотелось бы узнать Ваше мнение относительно изменений в дисциплинарно-воспитательной системе Духовных школ. Какая система, на Ваш взгляд, наиболее эффективна?

— Я уже говорил на эту тему и еще раз хочу подчеркнуть, что существующая система воспитания малоэффективна, и жизнь Церкви в критический момент это показывает. Думаю, что в первую очередь нужно реформировать именно систему воспитания, хотя это гораздо сложнее, чем просто перераспределить часы на предметы.

— Какими же Вам видятся пути решения этой проблемы?

— Это надо продискутировать. У меня на этот счет готовой концепции нет. Но считаю, что система воспитания в семинарии должна быть гораздо жестче, чем она есть сейчас, а в Академии гораздо свободнее, но в Академии надо сделать больше семинаров и вообще перейти на систему обзорных лекций и семинаров. Студентов Академии надо приучать к самостоятельной работе максимально и ужесточить сдачу экзаменов по примеру евангелических школ. А в семинарии — ограничить выход в

город и побольше заниматься духовными упражнениями. Реформа, в первую очередь, должна быть направлена на увеличение эффективности образования, чтобы пастырь был более инициативен, чем сейчас, чтобы он не боялся идти в полемику, дискуссию, диспут ни с католическим ксендзом, ни с протестантским пастором, чтобы он был абсолютно предан Русской Православной Церкви.

— Владыка, какова Ваша точка зрения относительно возможности для студентов наших Духовных школ получать образование в зарубежных учебных заведениях?

— Этот вопрос открытый. Я, например, как ректор боюсь посылать студентов в католические учебные заведения. Как правило, к стыду признаться, почти все, кто там проучился, становятся романофилами. Гораздо безопаснее посылать учиться в хорошее, престижное англиканское или лютеранское заведение, но только на какой-нибудь спецкурс, для конкретной узкой специализации. Если же вообще учиться, то только в Греции на богословских факультетах.

— Ваше Преосвященство, какие пожелания Вы хотели бы высказать студентам Московских Духовных школ?

— Не теряйте времени. Запомните, что школа дает всем одинаково, а от вас зависит персонально, как и что взять от школы. Православие в своей духовной жизни, в своем богословии предполагает главную идею — синергизм, то есть взаимодействие двух волей, человеческой и Божественной, на всех уровнях. То же самое и здесь, если вы будете относиться активно к этому процессу и творчески подходить к учебе, то сможете взять из Академии настолько много, что вы — выпускники Московской Духовной Академии — не будете чувствовать ни малейшего комплекса неполноценности при полемике с любыми западными богословами. То, что дала Московская школа, мне вполне хватало для участия в богословских диалогах и с католиками, и с протестантами. Школа наша неимоверно богата, но студенты наши, в силу вышеизложенных причин, не берут из этой школы. Поэтому я хочу им пожелать, чтобы они больше работали самостоятельно и учились подчиняться священноначалию. Это очень важно...

*С епископом Константином беседовали
Дмитрий Моисеев, 1 курс МДА,
и Евгений Сиротенко, 3 класс МДС*